

Макаров Семен Семенович

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ОЛОНХО П. А. ОЙУНСКОГО "НЮРГУН БООТУР СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ"

В статье рассматривается письменный текст олонхо "Нюргун Боотур Стремительный", созданный поэтом П. А. Ойунским, в аспекте мифологизма эпического сюжета. При этом основное внимание уделяется пространственно-временной организации эпического нарратива, мотивам творения, вечной бытийности, отдельным образам мифологического происхождения. Выявляются наиболее устойчивые элементы мифологической повествовательности, актуализированные в момент становления письменной традиции якутского эпоса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/3-1/28.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. I. С. 108-111. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

THEME OF CREATIVITY IN PROSE OF S. D. KRZHIZHANOVSKII

Livskaya Evgeniya Valentinovna, Ph. D. in Philology
Financial University under Government of the Russian Federation (branch) in Kaluga
evgenia_livskaya@yahoo.com

The author reveals the content of the theme of artist's creativity and mission in S. D. Krzhizhanovskii's works. According to the writer, one of the alternative worlds, which can hide the hero, is creativity. Popular hero of Krzhizhanovskii's stories is an artist, whose fate goes to the fate of Jesus Christ, and then – to the "archetype" of overcoming personal, individual for the sake of universal. Renunciation of creativity, or "murder of letters", deprives the artist of his essence, leads to death.

Key words and phrases: Russian literature of the beginning of the XXth century; Sigizmund Krzhizhanovskii; theme of poet's creativity and mission; motive of two-worldness; sacred sense of creativity; evangelical motives; experimenting fiction.

УДК 821.512.157

Филологические науки

В статье рассматривается письменный текст олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», созданный поэтом П. А. Ойунским, в аспекте мифологизма эпического сюжета. При этом основное внимание уделяется пространственно-временной организации эпического нарратива, мотивам творения, вечной бытийности, отдельным образам мифологического происхождения. Выявляются наиболее устойчивые элементы мифологической повествовательности, актуализированные в момент становления письменной традиции якутского эпоса.

Ключевые слова и фразы: эпический жанр; мифологизм; устная традиция; письменная традиция; героический эпос олонхо; якутская литература; сюжетные мотивировки; прием ретардации.

Макаров Семен Семенович

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова
Others3@mail.ru

**МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ОЛОНХО П. А. ОЙУНСКОГО
«НЮРГУН БООТУР СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»©**

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 12-04-00122 на проведение научных исследований.

Проблема повествовательной преемственности мифа и разных жанров архаического фольклора является достаточно разработанной в теоретическом плане в трудах Е. М. Мелетинского, С. Ю. Неклюдова, М. И. Стеблин-Каменского, П. А. Гринцера и др. Сюжеты и образы якутских олонхо неоднократно привлекались исследователями для иллюстрации сохранения в героическом эпосе элементов мифологического геноза. В то же время вопрос о трансформации мифологических повествовательных моделей при переходе эпического сюжета из устной традиции в письменную остается малоисследованным.

Якутское олонхо в стадийно-типологической классификации, разработанной Е. М. Мелетинским, определяется как «архаический эпос» [4, с. 249]. Он удерживает сюжетную канву архаической «богатырской сказки» и повествует о борьбе с первобытным хаосом, созидании миропорядка. Классификация сюжетов, предложенная Н. В. Емельяновым в монографии «Сюжеты якутских олонхо» (1980), основывается на принципе разграничения типологически «ранних» и «поздних» сюжетов эпоса по особому типу героя, действующего в том или ином сюжете: ранние формы повествуют о герое-первопредке, поздние – о героях-защитниках племени. Изменение эпической традиции олонхо во времени может быть описано как движение от наиболее архаических форм, сохраняющих существенные мифологические черты, к более поздним сюжетам, возникшим в эпоху ведения контактного боя, когда эпос начинает разрабатывать тему патриархального патриотизма, становясь по существу «героическим». Степень архаичности сюжета эпоса, таким образом, находится в прямой связи с его мифологичностью.

Показательным в плане изучаемой проблемы представляется первый прецедент создания письменного текста якутского эпоса – олонхо П. А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный» (1929-1932). Это концептуальный текст, положивший начало письменной традиции якутского эпоса. Первый прецедент создания письменного олонхо задумывался автором как инвариантный срез всей эпической традиции и появился в результате контаминации нескольких сюжетов устных вариантов. В связи с этим он представляет для исследователя возможность выявления элементов мифологической повествовательности, удерживавшихся

в устной традиции и актуализировавшихся на этапе становления письменной традиции якутского эпоса. Следует отметить, что автохтонный фольклорный жанр рассматривается нами через его литературную рефлексию. О возможности подобного «двойного» подхода к тексту олонхо П. А. Ойунского указывал один из первых его исследователей Г. У. Эргис: «К этому олонхо можно относиться и как к народному олонхо, потому что в нем сохранены особенности содержания и формы народного эпоса, и в то же время и как к литературному произведению, поскольку язык его обработан поэтом» [12, с. 75]. Возникновение письменного текста якутского эпоса на рубеже 1920-1930-х гг. является высоко симптоматичным, поскольку совпадает с процессом смены культурных парадигм: становлением литературы и литературного якутского языка, осознанием наступающего кризиса традиционного фольклора, оформлением государственной автономии Якутской Республики. В этой ситуации перед поэтом стояла задача максимальной мобилизации в эпическом сюжете элементов собственной национальной культуры. При этом свойства жанра определили сюжетную структуру и повествовательную последовательность произведения. В то же время отсутствие письменных канонов в традиции якутского эпоса предоставило П. А. Ойунскому возможность оригинального оформления формальных элементов текста.

Специфическая числовая символика, связанная с мифологическим концептированием действительности, выявляется в тексте «Нюргун Боотур Стремительный» уже на уровне композиционного оформления. Текст этого олонхо представляется читателю как целостность, состоящая из девяти частей, каждая из которых автором пронумерована и названа «песней». Членение текста на девять композиционных частей коррелирует с традиционным космогоническим представлением якутов о девяти ярусах Верхнего мира. Вероятно, подобная оригинальная композиционная форма мотивирована стремлением автора акцентировать последовательность эпического нарратива, продемонстрировать прозрачность его структуры. Число 9 также часто фигурирует в якутском эпосе в составе формульных выражений обычно в параллельной связи с числом 8 для обозначения процессов и состояний, протекающих в течение длительного периода времени. Возможно, композиционная структура текста П. А. Ойунского воспроизводит пространственную иерархию, существующую в мифологической картине мира.

Созданию письменного текста якутского эпоса предшествовала исследовательская работа. В 1927 г. П. А. Ойунский опубликовал статью «Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание» [9], значимую как один из первых опытов научного осмысления олонхо. В этой работе автор предпринял попытку выявить в сюжетах якутского эпоса трансформированную память об историческом прошлом народа. Фольклор П. А. Ойунский рассматривает как этнографический источник. В конце 1920-х появляются другие научные статьи П. А. Ойунского, посвященные вопросам истории и этнографии якутов [7, с. 49-75; 8, с. 39-45, 49-64]. В статье об олонхо поэт большое внимание уделяет мифологическим мотивам сотворения и заселения мира. П. А. Ойунский описывает пространственные представления «древнего якута», пересказывает мифологический сюжет, описывающий сотворение и разделение мира между тремя изначальными племенами. Этот же сюжет находим в эпическом зачине «Нюргун Боотура», повествующем об изначальном хаосе, борьбе темных и светлых сил, установлении в результате договоренности высших сил трех миров с территориальной спецификой [6, с. 16]. В эпическом зачине упоминается время первотворения: имеется установка на описание событий, произошедших «за дальним хребтом давно минувших жестоких лет» [Там же, с. 11] (*здесь и далее перевод наш – С. М.*). Сюжет о сотворении мира разрабатывался в якутском фольклоре, помимо эпоса, в песнях («Аан дойду айылыбыт ырыата») и в преданиях (*номох*) на эту тему. В тексте олонхо «Нюргун Боотур» этот эпизод, закрепленный жанровой традицией, разворачивается в целую вставную поэму (646 стихов) [Там же, с. 16-24]. В сравнении с мифологическим сообщением в эпическом тексте П. А. Ойунского он приобретает множество дополнительных мотивировок социального плана. Повествование затягивается перечислением имен прародителей трех изначальных племен, заселявших мир. Эпическая ретардация в письменном тексте олонхо используется как прием, позволяющий воссоздать традиционную стилистику героического эпоса.

Все эпические события в тексте олонхо П. А. Ойунского локализируются в рамках традиционной космической модели. Пространство осмысливается как единство трех миров, с присущими им традиционной символикой и образами. Нарушение территориальных границ и установленного порядка приводит к разрушению изначальной гармонии и мотивирует последующие эпические события. В модели мира, описываемой в сюжете «Нюргун Боотура», находим традиционные мотивы с пространственным значением: *алаас* (идеальная горизонталь) как страна героя, лес, священная вертикаль (мировое древо, гора), переправа.

Связь с мифологическим началом обнаруживает и сама фигура центрального персонажа. Герой имеет божественное происхождение. Его спускают с неба для защиты племен *айыы* от притеснений демонических племен Нижнего мира. Демоноборческая функция героя, согласно концепции Е. М. Мелетинского [3, с. 272], является исконной чертой архаического эпоса, тесно связанной с мифологическим преодолением хаоса и движением к установлению стабильного и гармоничного уклада мира. Эта глобальная мифологическая идея превращается в эпосе в задачу защиты племени от чудовищ. Гармонизирующая и одновременно творящая функции мифа объединены в рассматриваемом сюжете в образе Нюргун Боотура-защитника племени.

В олонхо П. А. Ойунского, стремящемся к инвариантной полноте, появляется сюжетная линия, связанная с героем Эр Соготох-Ого Тулаайах (Одинокий Муж-Сирота), считаемым типологически древнейшим персонажем якутского эпоса [2]. Сюжетная линия, связанная с этим героем, является комплементарной к основной линии, повествующей о подвигах богатыря-защитника племени Нюргун Боотура. Эр Соготох-Ого Тулаайах здесь является сыном богатыря Юрюнг Уолана, брата Нюргун Боотура, и красавицы Туйаарымы Куо.

Герой рождается в момент, когда его мать находится в плену у богатыря *абаасы* Уот Усуму, навязывающего ей насильственное супружество. Богатырь *абаасы* грозит проглотить ребенка *айыы* сразу после его появления на свет. Однако вмешиваются богини Айыысыт и Иэйэхсит, покровительствующие матери и ребенку. Они подговаривают голодающую старуху-чертовку Тимир Джигиликэн похитить ребенка и воспитать из него кормильца. После того, как она выполняет требование, они забирают младенца и поселяют его в Среднем мире. Мальчик растет не по дням, а по часам. Не знающий своих родителей, он сам добывает себе пропитание и кров. Вскоре он отправляется на поиски родителей. От девяти девушек *айыы*, живущих в девяти гнездах, он узнает о своих родителях и отправляется вызволять их из плена. Значение имени персонажа, дословно переводимое как «одинокый муж», сохраняет память об изначальном мифологическом одиночестве первого человека на земле. Однако момент отлучки героя, сиротство, объясняемое удаленностью героя от других людей, и последующее объединение с героем-сиротой есть следствие забвения первоначального смысла.

Наконец, в сюжете «Нюргун Боотура» эпизодически присутствуют образы рабов с чертами мифологических трикстеров: старухи-скотницы Симяхсин и мальчика-табунщика Суодалба уола. Старуха Симяхсин – традиционный образ олонхо. Эпизоды с ее участием, как правило, носят анекдотичный характер. Этот образ в некоторой степени контрастно оттеняет центральный женский образ эпической красавицы. Он был детально проанализирован И. В. Пуховым [10]. К типичным функциям этого персонажа относятся: 1) сообщение о прибытии героя; 2) возвращение части скота, уведенного невестой из отчего дома; 3) в некоторых сюжетах – попытка трикстерской подмены красавицы. В «Нюргун Боотуре» П. А. Ойунского реализованы две первые традиционные функции. В мальчика-табунщика Суодалба Уола Нюргун Боотур превращается в эпизоде, где ему нужно неузнанным пройти испытание для обручения его брата Урун Уолана с красавицей Туйаарыма Куо. Этого мотива нет в устном варианте сюжета о Нюргун Боотуре [12]. В обличье героя с трикстерскими чертами, с характерными для него признаками несоизмеримости внешнего облика и физической силы, Нюргун Боотур одерживает победу и добывает право сватовства для своего брата. Следует отметить усложнение в тексте П. А. Ойунского родственных отношений персонажей. Детализируя фратриальные отношения героев, поэт органично соединяет несколько сюжетов в единый повествовательный текст.

Таким образом, эпический сюжет олонхо П. А. Ойунского в целом вписывается в контекст традиционных мифоритуальных представлений, репрезентуемых фольклорной традицией. Элементы мифологической повествовательности обладают высокой устойчивостью и, несмотря на трансформации эпического нарратива при переходе сюжета из устной традиции в письменную, выявляются в его структуре. Мифологизм эпического сюжета выражается, прежде всего, в специфичной модели мира, связанной с космогоническими мифами, в наличии в эпосе мотивов вечной бытийности, первотворения, в сохранении черт культурного героя и первочеловека в герое-богатыре и др. Однако процесс литературной обработки и создания письменного вида текста о Нюргун Боотуре приводит к характерным изменениям в функционировании эпического сообщения. Олонхо П. А. Ойунского выводится из круга вариантов устной традиции, теряя связь с мифологией сказительства. Этот момент автор письменного текста олонхо старается компенсировать формированием фигуры сказителя текстуальными средствами, а также апелляцией на связь с традициями выдающихся сказителей прошлого. Повествование, попадая в письменную традицию, начинает восприниматься как художественный вымысел, в тексте усиливается эстетическая функция. Об этом свидетельствует, в частности, авторское целеполагание во вступлении к тексту: «Саха хаан аймагар, / Кэнчиэрэ ыччатыгар / Кэрэ кэпсээн буолар... олонхо» / «Это олонхо призвано стать для последующих поколений народа саха занимательным повествованием» [6, с. 6]. Усложнение элементов социальной мотивировки действия и установка на вымысел сближают сюжет олонхо П. А. Ойунского со сказочным. Наиболее устойчивыми мифологическими элементами сюжета являются пространственная организация, указание на первоначальное время творения. Элементы новаторства затрагивают систему персонажей, характер мотивировки эпических событий, что позволяет говорить о появлении нового качества эпического нарратива.

Список литературы

1. Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. М.: Наука, 1980. 375 с.
2. Мелетинский Е. М. О древнейшем типе героя в эпосе тюрко-монгольских народов Сибири // Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания. М.: РГГУ, 2011. 570 с.
3. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Восточная литература, 1976. 407 с.
4. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 461 с.
5. Неклюдов С. Ю. Мифологическая традиция и мифологические модели // Вестник РГГУ. 2011. № 9 (71). С. 11-33.
6. Ойунский П. А. Дьлуруйар Ньургун Боотур. Якутск: ИГИ, 2003. 544 с.
7. Ойунский П. А. Ойуун уeskээбитин туһунан // Чолбон. 1929. № 2.
8. Ойунский П. А. Саха уeskээбитэ; Ааспыт куннэр-дьыллар // Чолбон. 1928. № 5-6.
9. Ойунский П. А. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание: опыт анализа якутской сказки // Сборник трудов исследовательского общества «Саха кэскилэ». Якутск, 1927. С. 48-72.
10. Пухов И. В. Якутский героический эпос олонхо: основные образы. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 256 с.
11. Эргис Г. У. Нюргун Боотур Стремительный. Якутск: ЯКГИЗ, 1947.
12. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 400 с.
13. Якутский героический эпос. Могучий Эр Соготох. Новосибирск: Наука, 1996. 440 с.

MYTHOLOGICAL MOTIVES IN OLOMKHO
“NYURGUN BOOTUR THE SWIFT” BY P. A. OIUNSKII

Makarov Semen Semenovich

North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov
Others3@mail.ru

The author considers the written text olonkho “Nyurgun Bootur the Swift”, created by poet P. A. Oiunskii, in the aspect of epic plot mythologism, pays special attention to the spatial-temporal organization of epic narrative, the motives of creation, eternal beingness, and certain images of mythological origin; and reveals the most stable elements of mythological narrativeness, actualized at the moment of the formation of the Yakut epic written tradition.

Key words and phrases: epic genre; mythologism; oral tradition; written tradition; heroic epos olonkho; Yakut literature; plot motivations; method of retardation.

УДК 811.111

Филологические науки

В этой статье исследуется реализация одного из ведущих принципов лингвосинергетики – принципа эмерджентности на примере английской народной сказки «The Three Heads of the Well». Благодаря этому принципу, автор считает возможным объяснить процесс прохождения дискурсивной системой точек бифуркации, обосновывать, при различной интерпретации определенных смысловых компонентов сказочного произведения, появление совершенно различных сюжетных линий, которые выводят читателя на заданный автором креативный аттрактор.

Ключевые слова и фразы: эмерджентность; сказочный дискурс; самоорганизация; дискурсивное пространство; уровни; точка бифуркации; лингвосинергетика.

Мамонова Наталья Васильевна

Челябинский государственный университет
natalya-mamonova@rambler.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЭМЕРДЖЕНТНОСТИ
В БРИТАНСКОМ СКАЗОЧНОМ ДИСКУРСЕ©

Современные лингвосинергетические исследования дискурса и его составляющих основываются на идее самоорганизации, трактуемой как «процессы, приводящие к возникновению таких структур», которые самопроизвольно «возникают, а не накладываются на систему извне» [5, с. 86]. В ходе процессов, протекающих в динамической системе дискурсивного пространства, одним из ведущих принципов его самоорганизации является эмерджентность.

Лингвосинергетический подход к изучению эмерджентных свойств текста дает возможность представить его форму как целостную структуру, состоящую из набора подсистем, определяющих динамическое становление целого и направляющих восприятие читателя [1]. Этот принцип позволяет объяснить процесс прохождения дискурсивной системой точек бифуркации (точек ветвления возможных смысловых интерпретаций), обосновывает ее становление, рождение и гибель иерархических уровней, описывает возникновение «нового качества системы по горизонтали, т.е. на одном уровне, когда медленное изменение управляющих параметров мегауровня приводит к бифуркации, неустойчивости системы на макроуровне и перестройке его структуры» [3]. Микроуровень дискурса представлен некоторой совокупностью смысловых компонентов и их интерпретаций, макроуровень – движением различных сюжетных линий дискурса, мегауровень – креативным аттрактором дискурсивной системы, который притягивает и структурирует смыслы и интерпретации вокруг себя. В креативном аттракторе заложен доминантный смысл произведения. В. Г. Буданов полагает, что включение микроуровня позволяет описать в полной мере процесс исчезновения и рождения макроуровня в точке бифуркации. В этой точке «коллективные переменные, параметры порядка макроуровня возвращают свои степени свободы в хаос микроуровня, растворяясь в нем», и «в непосредственном процессе взаимодействия мега- и микроуровней» возникают новые параметры порядка обновленного макроуровня [Там же].

Символически этот процесс порождения нового макроуровня, или самоорганизации становления, В. Г. Буданов представляет так:

МЕГА + МИКРО = МАКРО

Именно таким образом происходит выбор альтернатив развития макроуровня.